

На дворе стоял двадцать первый век, но в таком древнем городе, как Город Б, где сама история дышала в каждом переулке, отпрыски именитых семейств всё так же постигали шесть искусств благородного мужа. Разумеется, время наложило свой отпечаток: классические ритуалы, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, каллиграфия и математика трансформировались. Теперь это были правила восточного и западного этикета, обязательные для светского общества танцы и музыка, а уж об изучении древней поэзии и говорить нечего — это было базой.

Каждый наследник, и даже девушки из знатных родов, должен был пройти закалку в армии, обучаясь стрельбе. Управление колесницей сменилось вождением автомобиля, хотя Шэнь Минлянь, как будущий глава семьи, в обязательном порядке учился верховой езде — в их кругах это считалось необходимым навыком для завязывания нужных знакомств. Каллиграфия и искусство счета тоже никуда не делись.

От обычных детей из хороших семей не требовали столь глубокого погружения — достаточно было выбрать пару направлений по вкусу и достичь в них приемлемых успехов. Но Шэнь Минлянь с малых лет готовили в преемники, поэтому он был обязан разбираться во всём, выбрав при этом одну-две дисциплины для совершенствования до уровня мастера.

Шэнь Минлянь выбрал стрельбу и каллиграфию. В свободные от работы часы он любил заварить чай и вывести несколько иероглифов, отдыхая душой.

Цинь Лэ, воодушевленный, поспешил к нему, сжимая в руках драгоценную бумагу Сюань, словно величайшее сокровище. Честно говоря, на сердце у него было беспокойно. Всё-таки он выменял этот товар на чужой завтрак. Еду-то можно приготовить снова, а вот бумагу Сюань с лепестками сливы не сыщешь и днем с огнем. Тем более — созданную по древним, давно утраченным рецептам. Бумага для императора! Стоило Цинь Лэ об этом подумать, как он невольно выпрямился и уверенным шагом отправился на поиски «виновника торжества».

Шэнь Минлянь в это время мыл машину во дворе. Цинь Лэ подошел, шурша листьями, и с улыбкой спросил:

— Закончил дела? Давай тогда перекусим чего-нибудь.

Едва договорив, он чуть не прикусил язык — ну надо же было ляпнуть именно про еду!

Минлянь, сполоснув руки и собирая инвентарь, отозвался с улыбкой:

— А знаешь, ты прав. С утра маковой росинки во рту не было, аппетита не чувствовал, а сейчас прямо под ложечкой засосало. Иди в дом, а я на кухню загляну, достану что-нибудь из кастрюли.

Цинь Лэ тут же преградил ему дорогу.

— Эм... ты ведь не очень любишь сладкое, верно? погоди, я сейчас приготовлю тебе что-нибудь свеженькое!

— Да брось, бабушка мне уже всё доложила. На завтрак были маньтоу с фиолетовым бататом и танбао с курицей. Эти булочки не такие уж и сладкие, да и танбао остались. Мне хватит, а маньтоу — твои, — Минлян уже занес ногу над порогом.

— Послушай, тут такое дело... — промямлил Цинь Лэ и во всём сознался: как отдал завтрак в обмен на бумагу. В завершение он с подлизывающимся видом вложил листы в руки Минляна: — Брат Лян, я ведь помню, что ты любишь на досуге пописать. Вот, меч — герою. В моих руках он пропадёт без дела, а я просто хотел, чтобы ты пораздовался, раз давно кисть в руки не брал.

Глядя то на превосходную белую бумагу в руках, то на понурившегося мальчишку, который всем видом изображал раскаяние, Шэнь Минлян не удержался и легонько щелкнул его по лбу.

— На этот раз прощаю. Но если еще раз провернешь такое за моей спиной — берегись. Смотри, как бы потом не пришлось весь день в постели провести, так просто не отделаешься!

Цинь Лэ рефлекторно схватился за поясницу.

— Понял, не дурак!

— Ах да, кстати, — Минлян поймал взгляд Лэ-лэ, в котором плескалось такое тепло, что сердце готово было выпрыгнуть из груди. — Ты говорил, что когда приедут мои сослуживцы, мы переберемся в старое поместье. Они уже здесь, когда планируем переезд?

Цинь Лэ отвел глаза, смущенный его напором.

— Давай... давай дождемся, когда привезут суккуленты. Я заказал партию у Сюй Му, он должен прибыть в деревню с товаром примерно на следующей неделе. Этого времени как раз хватит Маленькому императору, чтобы вырастить рассаду роз из семян. Займемся всем сразу, навалимся скопом. Нужно поскорее запустить теплицы, а то у нас одни расходы, прибыли никакой — скоро я тебя прокормить не смогу!

Шэнь Минлян заметил, как уши Цинь Лэ из ярко-красных стали нежно-розовыми. «Неужели моё обаяние ослабло?» — подумал он и снова легонько ущипнул его за ухо. Лэ-лэ подскочил, точно перепуганный заяц.

— Я... я пойду вонтонов тебе сварю!

«Заяц остается зайцем, — усмехнулся про себя Минлян. — Каким бы сильным ни был дух, стоит ему оказаться в пасти волка, как приходится покорно ждать, пока съедят».

***

Следующие пять дней Цинь Лэ вместе с ватагой местных парней хлопотал в теплице. Они соорудили из кирпича и цемента нехитрые цветочные каскады — многоуровневые, расположенные в шахматном порядке. В углубления засыпали органический грунт, смешав навоз с песком и землей. Приготовили все инструменты и замерли в ожидании «нежных гостей», которые вот-вот должны были обрести здесь дом.

Закончив работу, Цинь Лэ отряхнул руки и велел ребятам выстроиться в две шеренги. Глядя на этих чумазых «грязевых чертят», он чувствовал искреннее удовлетворение. За эти несколько дней стало ясно, кто действительно хочет работать, чтобы обеспечить себя, а кто пришел просто за компанию, поглазеть да потянуть время. По прошествии пяти дней Цинь Лэ уже всё для себя решил. Он раздал каждому заработанные шестьдесят юаней в день.

— Цинь Ян, Цинь Пэн, Ван Синь, Ван Юэ, Ли Юань, Чжао Сяобин — вы остаетесь. Остальные — инструменты на место, забирайте деньги и можете быть свободны.

Один из парней, явно недовольный, подал голос:

— Но почему? Я не лентяичал, честно учился, работал на совесть. Почему ты оставляешь их, а не меня? Не потому ли, что Цинь Ян твой брат, и ты ему потакаешь?

Цинь Лэ посмотрел на него со всей серьезностью.

— Дело не в родстве. Работа — это не тот вопрос, который решается по знакомству. Я наблюдал за вашим поведением, за тем, как вы общаетесь, как выполняете поручения, и выбрал тех, кто, на мой взгляд, подходит лучше всего. Я оставил их, потому что каждый вечер они разбирали свои ошибки, сверялись с моими требованиями и всегда находили, что можно улучшить. Они старались сегодня стать лучше, чем были вчера. Вот такие люди мне нужны. Те, кто стремится к росту, а не бездушные машины, умеющие только зазубривать инструкции.

Цинь Ян и остальные пятеро счастливицки обернулись на уходящих товарищей. Внезапно они осознали, какая огромная пропасть пролегла между ними, какая четкая черта была проведена. Цинь Яну очень хотелось попросить Лэ-лэ оставить всех ради старой дружбы, но, как и сказал тот — работа не терпит кумовства. Он не сможет опекать их вечно; им самим нужно учиться прикладывать усилия и крепко стоять на ногах. Глядя на решительных юношей, Цинь Лэ удовлетворенно кивнул. Понимание жестокости общества и вкуса победы в естественном отборе станет для них хорошим уроком на будущее.

***

На следующее утро после того, как теплицы были приведены в порядок, телефон Цинь Лэ разразился звонком.

— Алло, доброе утро. Это Цинь Лэ? Я Сюй Му. Привез товар, жду на въезде в деревню, выходи встречать!

Цинь Лэ вздрогнул от неожиданности и плотнее прижался к Шэнь Минляну. Тёплый бок «большого пса» манил обратно в сонное царство.

— Так рано?..

Вспомнив, что Сюй Му всё еще ждет, он нехотя выбрался из-под одеяла и глянул на экран.

— Шесть тридцать утра! Я еще в постели валяюсь! Ты чего людям спать не даешь?!

— Небось, сладкие сны досматривал? — донеслось из трубки. — Юноша, запомни: нежные объятия — могила для героя! Я тебя, можно сказать, из пучины вытаскиваю!

Услышав, что Цинь Лэ на том конце снова засопел, Сюй Му взорвался. Он в ярости заорал во всё горло:

— Брать будешь или нет?! Нет — так я разворачиваюсь и уезжаю!

Они привыкли шутить друг над другом в сети, так что этот крик мигом развеял всю неловкость первой встречи в реальности. Отчуждения не было — только привычное подтрунивание. Цинь Лэ включил громкую связь и принялся одеваться, продолжая разговор:

— Спокойно, спокойно, уже бегу! Ты сейчас на въезде, верно?

Сюй Му в машине сердито хмыкнул:

— Готовь лучшую еду и выпивку, жди у ворот. Мы договаривались: жилье и стол с тебя, так что не вздумай юлить!

— Да бог с тобой, один человек... С твоим-то щуплым тельцем, много ли ты съешь?

Позже, увидев аппетит Сюй Му, Цинь Лэ больше всего на свете хотел вернуться в те самые шесть тридцать утра и придушить самого себя за эти слова. «Язык мой — враг мой! Пригласил на свою голову прорву, он же нас по миру пустит!»

В крестьянских домах гостеприимство измерялось количеством еды на столе: важно было, чтобы гость наелся до отвала и еще осталось. Цинь Лэ с утра пораньше забросил в пароварку четыре огромных маньтоу — на всю семью. Быстро нарезал несколько видов закусок.

— Сейчас вернусь, соображу яичный суп, и будет в самый раз! — бросил он и умчался встречать гостя.

Дедушка и бабушка Цинь уже встали: один пошел в коровник подсобить, другая — кормить цыплят. Заботу о поросятах с радостью взял на себя «старший молодой господин Шэнь».

Цинь Лэ привел Сюй Му домой. Машину оставили у теплиц, где Цяо Жэнь и Донг Фанце — профессор и исследователь агрономии — уже вовсю распоряжались разгрузкой и посадкой. Кивнув дяде Лю, который во дворе отрабатывал удары, Цинь Лэ усадил Сюй Му за стол:

— Ешь пока, я сейчас суп подам.

Сюй Му церемониться не стал. Один за другим маньтоу исчезали в его недрах. Когда он расправлялся с четвертым, вернулась бабушка Цинь. Заглянув в пароварку, она ахнула, открыла холодильник и забросила еще четыре штуки. Оттащив внука в сторонку, она принялась его отчитывать:

— Гость проделал такой путь, а ты ему — одну несчастную булочку! Ты посмотри на него, парень крепкий, разве он этим наестся? Совсем о голове не думаешь!

Цинь Лэ обиженно зашептал в ответ:

— Да это уже четвертый! Дядя Лю свидетель! Я ж не знал, что он такая прорва. Думал, завтрак всё-таки, одного за глаза хватит. Мы с братом Ляном вообще половинкой наедаемся!

Бабушка сама оторопела. Поскорее выложила готовые маньтоу на блюдо и велела Цинь Лэ нести на стол.

Когда Сюй Му взялся за пятый, бабушка быстро допила суп и поспешила в теплицу — присмотреть за парнями, чтобы те чего не напутали своими неловкими руками. При этом её ничуть не заботило, что она оставляет «под присмотром» профессора и магистра агрономии. Дядя Лю подхватил её под локоть:

— Тётушка, погодите, я с вами, за компанию!

И они быстро удалились.

Сюй Му потянулся за шестым маньтоу. Шэнь Минлян, уже переодетый для работы, собрался уходить:

— Ешь не торопясь, я пошел. Обед принеси в отдел, сейчас завал, домой не вырвусь.

Цинь Лэ вяло махнул рукой:

— Будь осторожен на дороге.

Когда Сюй Му принялся за седьмой маньтоу, Цинь Лэ охватило полное отчаяние. Наконец, доев, гость похлопал себя по животу:

— Фух. Ну, червячка заморил, можно и делами заняться.

Цинь Лэ смотрел на его абсолютно плоский живот, и он был в полном изумлении. Эти семь маньтоу не были похожи на те магазинные пушинки размером с кулачок. Это были настоящие домашние маньтоу — бабушка резала их широко, каждый весил чуть ли не по полкило. Шэнь Минлян и Цинь Лэ за обедом съедали максимум по одному. Деревенские мужики в страду, на тяжелых работах, осиливали три — и это считалось пределом. Сюй Му же умял семь штук за один присест.

Цинь Лэ не выдержал:

— Слава богу, ты сам на жизнь зарабатываешь. Иначе бы тебя родители давно из дома выставили. С таким аппетитом ты же разоришь любого!

<http://bllate.org/book/17507/1659852>